
ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 130.2

**КУЛЬТУРОГЕНЕЗИС НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ БЕЛГОРОДЧИНЫ:
СОЦИОЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ****М.С. Жиров¹⁾, О.Я. Жирова²⁾**

¹⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78
e-mail: Zhirov@bsu.edu.ru;

²⁾ Белгородский государственный институт культуры и искусств, 308034, г. Белгород, ул. Королева, 7
e-mail: Zhirov@bsu.edu.ru

В статье представлен этнокультурологический аспект формирования народной одежды края в социо-историческом хронотопе, выявлена роль в этом процессе славянских племен, этнических и сословных групп, социальных слоев, выступающих объектом и субъектом этого целостного этнокультурного явления, продолжающего жить сегодня в виде этнологических образцов и трансформированных их вариантов в современной одежде.

Ключевые слова: этнические группы, народ, традиционная одежда, культурные традиции, быт, историко-географическое пространство, духовная и материальная культура, художественные промыслы и ремесла.

Традиционный народный костюм края – значительная область национальной культуры как на широте и глубине связей, так и по богатству художественно-творческого выражения. В его образно-стилистической структуре емко и зримо отразились религиозно-этнические, этические, эстетические представления народа, его история, менталитет, система ценностей, уровень духовной и материальной культуры. И вместе с тем, в народной одежде запечатлено нечто большее, чем принято думать. Это не просто набор утилитарных, художественно выполненных деталей. Это символическое выражение отношения народа к жизни, восприятие мира сквозь призму главнейших для человека ценностей счастья, веры, любви, семьи, дома, земли, родины, отечества.

Возникший как рукотворный предмет утилитарного назначения, народный костюм одновременно является и уникальным образцом высочайшего уровня прикладного народного творчества, способного переносить человека через десятилетия и века туда, где «татары шли, ковыль-траву жгли», и туда, где девицы, в карагод собираясь, «по три мыла измывали, по три юбки надевали, четвертаю – душагрейкую», и туда, где в свадебной круговерти «игрицы» величали «поезжан»: «кучера сидят молоденькие, на них шубочки бобровенькие, перчаточки гарусовенькие, чулочки везелененькие, сапожки козловенькие» и воспевали свадебные дары невесты: «матушке – платочек, батюшке – рубашку, любимым деверёчкам – по льняным порточкам, дорогим золовушкам – из косушки ленты».

Судьба одежды в прошлом и настоящем – это живая история, поэтическое предание, в котором оживает значительный и мудрый язык старинного орнамента. В нем – размышление о жизни и вечности, ибо «одетая в свой традиционный костюм крестьянка из южновеликорусских земель представляла как бы модель вселенной: нижний, земной ярус одежды покрыт символами земли, семян и растительности, у верхнего края одежды мы видим птиц и олицетворение дождя, а на самом верху все это увенчано ясными и

беспорными символами неба: солнца, звезд, семь фигур, обозначающих созвездия, птиц, солнечные кони и т.д.» [7, 31-33]. Народный костюм есть одно из первичных воссозданий среды обитания. В самой композиции традиционной одежды, в ее орнаментах отражено родовое единство человека с землей и небом, с чередой времен года, с их пестрой цветовой гаммой. Невольно вспоминаются и парящая птица, и Мать-Берегиня, и «Древо Жизни», с древнейших времен воплощаемые в местном «узорочье», подтверждающие слова В.В. Стасова о том, что «у народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии, каждая черточка имеет тут свое значение... это связная речь, последовательная мелодия, имеющая свою основную причину и не предназначенная для одних только глаз, а также для ума и чувства» [9, 101]. Такой широчайший контекст символики народной одежды открывает многогранные перспективы для изучения народной культуры, быта, менталитета народа, специфики традиционного художественного творчества, его художественно-эстетической сущности и содержания, принципов взаимодействия с широким культурологическим полем других этнических культур.

Активизация изучения традиционного народного костюма в крае в последние годы дает возможность сопоставить этнографические материалы, полученные в разное время, и обосновать вопрос о его генезисе, истоки которого следует искать в лесостепной культуре скифского времени. «Памятники» этого периода обнаружены в Алексеевском, Борисовском, Корочанском, Валуйском, Старооскольском, Чернянском районах [3]. Так, при раскопках скифских курганов, могильника у села Дуровка Алексеевского района, например, найдено много изделий из золота, металла, глины, кости, имеющих не только утилитарное, сакральное, но и декоративное назначение. Большинство предметов выполнены в «зверином стиле» – особенной художественной манере, предполагавшей изображение животных и растений. Основу орнамента составляют образы животных, обитавших в то время, на территории края. Полиморфный орнамент в виде оленей, лосей, волков, медведей, кабанов, зайцев, собак, козлов, хищных птиц переплетается в композициях с растительным – подсолнухи, цветочные розетки – основа бляшек из золота, которыми украшалась одежда. По всей вероятности, скифы верили, что качества изображаемых животных и птиц – ловкость, быстрый бег, зоркость – перейдут их хозяину, а живительная сила растений будет благоприятствовать физическому здоровью.

Контакты между народами Западной и Восточной Европы в начале V века нашли свое отражение в четырех вещевых кладах «древностей руссов» VI – начала VIII веков, обнаруженных в узкой лесостепной полосе от Среднего Поднепровья до Оскола и представленных находками серебряных и бронзовых украшений (фибул, сережек, височных колец, браслетов, шейных гривен), деталей наборов подвесок для пояса и оружия. В 1916 году в селе Старый Хутор Валуйского района было найдено множество предметов быта, в том числе обломок бронзовой застежки – фибулы (деталь костюма), датированного V веком. На месте Белгородского водохранилища, на Шурьей горе, у реки Ворсклы, в бассейне реки Оскола, у сел Герасимовка и Шелаево Валуйского района и Белый Плес Вейделевского района обнаружены «памятники» периода палеолита, мезолита, неолита, эпохи бронзового века в виде предметов органических материалов: кожа, берестяная обувь, шкуры [3].

Ввиду того, что история заселения Белгородского края ещё не достаточно изучена, проблемной по-прежнему является и характеристика этапа формирования населения края домонгольского периода. Большинство исследователей склоняется к тому, что территория в верховьях Ворсклы, Псла, Северского Донца – место обитания во второй половине I тысячелетия союзов славянских племен. Мы разделяем мнение Б.А. Рыбакова о том, что границы племени северян длительное время оставались неизменными, а потому мы вправе считать их коренным этносом, уклад и образ жизни которого во многом определил культурные традиции края. Именно здесь, на Десне и Сейме, лежали древние центры славянских племен. Здесь они сложились в процессе автохтонного развития, здесь они поглотили поток юго-восточного славянства, двинувшегося на север в гуннское время, и отсюда они начали расширять свою территорию на юг и юго-восток [6].

В период своего становления, славяне постоянно находились под сильным влиянием более могущественных народов, что тормозило развитие собственно славянской самобытности. В конце V века началось их бурное развитие. При этом славяноязычные переселенцы вступали с местным населением в сложные взаимоотношения, что вело к языковой ассимиляции местного населения и распространению славянских языков. По Северскому Донцу в этот период пролегал важный торговый путь, связывавший арабский мир и восточнославянские племена. Усиление Хазарского каганата способствовало развитию международных торговых связей. Славянское и алано-болгарское население торговало с арабским миром. Таким образом, территория современной Белгородчины была областью активных этнических контактов. В VIII-X веках через нашу область шла граница, отделявшая земли северян от территорий, входивших в Хазарский каганат и заселенных славянским населением, что привело к этническому смешению. В их быту стали соседствовать черты, свойственные разным народам, что нашло отражение в традиционной культуре края, в том числе и в народной одежде.

На рубеже IX-X веков этническая обстановка степной и лесостепной зон ослабила Хазарское государство, чем воспользовались жившие на границах кочевники, угры-мадьяры, печенеги, тюрки. Ученые связывают переселение болгар на земли славян с миграционными процессами. Они потеснили алан и вместе с ними расселились в юго-восточной части современной территории края. В VIII-X веках эти земли входили в состав Хазарского каганата, население которого к тому времени составили: тюрки, болгары, угры, ассимилированные иранцы, славяне, оставившие после себя значительное количество памятников салтово-маяцкой культуры в виде керамических изделий, хранящихся в коллекциях Белгородского государственного историко-краеведческого музея, а также районных музеев края. Осуществленный нами анализ позволяет утверждать, что керамика салтовец изготовлялась на гончарном круге, ведущими мотивами орнамента были прямые и волнистые линии, треугольники, ромбы. Для декора груболепной керамики использовались различные виды орнамента в виде линий, насечек. На днищах памятников у Дмитриевского городища обнаружены знаки солярного характера: солнечные амулеты-обереги, образцы с изображением коньков. Есть предположение, что такой же орнамент присутствовал и в древней одежде. Памятники этой культуры встречаются в Алексеевском, Валуйском, Вейделевском, Волоконовском, Красногвардейском, Новооскольском, Чернянском, Шебекинском районах области.

Археологические раскопки на берегах Верхнего Дона (территория бывшего Бирюченского района) выявили несколько поселений с обломками древнерусской керамики XII в. и керамики кочевнического типа, а также украшения, атрибуты костюма, детали одежды. Памятники этой культуры являются остатками броднических или бродническо-половецких поселений. Бродники (от слова «бродить») – это отряды бежавших из Руси смердов и бедных воинов, бродивших по степи и селившихся среди половецких кочевий. В XIII в. они слились с половцами, в жены брали половецанок и к концу века были уже на четверть русскими [5, 93].

Самым значительным культурным наследием половцев, по нашему мнению, являются каменные изваяния, разбросанные по степи Юга России, воздвигнутые над курганами-захоронениями на перекрестках дорог и рек. Каменные половецкие изваяния представляют мужчин и женщин в костюмах, которые они носили при жизни. Это подтверждает обнаруженная в курганах одежда типа короткого кафтана, аналогичного тому, что надето на половецких «бабах». Безупречная сохранность каменных «баб», передает малейшие подробности костюма половецкой женщины XIII в. В форме головного убора, в системе расположения орнаментальных вставок, в мотивах декора костюма половецанки и крестьянки Воронежской губернии прослеживаются определенные параллели. Головной убор на половецкой «бабе», близок к бытующей в этих местах «сороке» [5, 190]. Оформление плечевой части рукавов кафтана половецанки соответствует

системе орнаментации местных рубах. Нижняя часть кафтана по крою напоминает распашную поневу. Широкие продольные полосы на полах зипуна находят аналогии в декоре прошив передников, в узорных полосах на поневе, расположенных не спереди, поскольку поневу носили с передником, а сбоку и сзади, в местах соединения полотнищ ткани. Подолы зипунов на статуях орнаментированы рядами ромбов, треугольников, зигзагообразными линиями. Вышивка на подолах понев, включающая ромбические мотивы, сверху обрамлена цепочкой треугольников. Крупные бляшки («круги»), украшающие ожерелье, женский пояс и концы мужского пояса, ленты «гаруса» на головном уборе тоже имеют аналогии в половецком костюме. Осуществленный анализ дает основание утверждать, что костюм крестьянки бывшего Бирюченского уезда во многом аналогичен костюму половецкой женщины XIII в.

Период золотоордынского нашествия XIII в. оставил свой «след» в стиле традиционной народной одежде края. К примеру, в большинстве местностей юго-восточной части Белгородчины пояс до сих пор называют «кушаком» (слово тюркского происхождения). Отголоски этой культуры мы находим и в «низкой челушке» женского головного убора «сороки» села Верхососна Красногвардейского района, и в деталях женских украшений, и в названиях мужской и женской верхней одежды (тулуп, кафтан, чекмень), тканей (бязь, войлок), а также в названиях местностей: Бирюч, Усмань, Битюг, Хава, Айдар [1, 20].

Вольная, правительственная, частично монастырская, позднее помещичья колонизация южных рубежей Московского государства собрала на географическом пространстве исследуемого региона представителей разных культур: русской, украинской, польской, литовской, белорусской. «Памятники» последней ярко прослеживаются и сегодня в народной одежде населения ряда районов области: Вейделевского, Валуйского, Волоконовского, отчасти Чернянского и Красногвардейского, где встречается вышивка красно-черными нитями в технике «крест» [1, 27]. Распространилась она в однодворческих селах под названием костюмный комплекс с «андараком», колористический строй полос юбки, которой полностью повторял белорусский (исключение составляли районы с украинской культурой). С переселением в Россию поляков связано появление новых разновидностей жилетов, мужского головного убора «ермолка», верхней одежды «шушпан», женских деталей костюма: «фартук» (передник), отложного воротника с оборками по отлету.

По данным писцовых книг, в «Списках населенных мест» городов Белгородской засечной черты упоминаются «севрюки» и «горюны», отличающиеся от окружавшего их населения, как по говору, так и по костюму. Мужская одежда, войлочные «колпаки» в качестве головного убора были сходны с полесско-белорусскими головными уборами. Своеобразный комплекс женского костюма (женская рубаха с прямыми поликами, пришитыми по основе: понева – плахта в качестве поясной одежды, полотенчатый головной убор, были известны в бассейне Северского Донца. Вполне вероятно, что именно эти этнические группы, некогда населявшие территорию края, и есть потомки древних северян, поселения которых находились в Путивльском уезде Белгородской (впоследствии Курской) губернии, а ныне – Сумской области. В.В. Мавродин и А.И. Соболевский считают их потомками старых северян, уцелевших от татарских набегов в северном Полесье [4; 8]. Эти предположения ученых обоснованы анализом говоров и народного костюма «горюнов», многие детали которого сохранили отзвук древнерусской традиции. Так, комплекс женской одежды включал в себя «чохву» (рубаху с длинными рукавами, ниже кистей рук), «понева-плахту» с «хвартушкой», «наметку» (белое полотенце, которым укрывали голову). Девушки носили венки или «тканки» (парчовые или вышитые серебром полосы) с лентами, опускающимися на спину, а поверх – платки, к которым накладывались узкие венчики из гусиных перьев. Однако несмотря на многие

сходства с культурой других народов (украинцев и белорусов), эти гипотетические потомки древних северян смогли сохранить свою самобытность вплоть до XX века.

Пока нет единого мнения ученых о происхождении другой этнической группы великорусов – «саянов», поселения которых были разбросаны, в основном в северной части курских земель. М.Г. Халанский, считал, что «саяны» образовались в результате правительственных переселений жителей из ближайших южнорусских городов: Орла, Рязани, Брянска [10]. Именно их влияние сказалось на декоративном решении местного костюма, что выразилось в преобладании в нем красного цвета. Комплекс традиционной женской одежды «саянов» также свидетельствует о древности этой этнической группы, так как включает поневу (несшитую распашную), рогатую кичку, сарафан («саян»), «чепец» и «повязку» (головные уборы женщины и девушки), «коты» (грубые кожаные башмаки) и «черевики» (кожаные легкие туфли с «махорчиками»), указывающих на давние этнические связи этого населения с населением Орловской, Калужской, Тульской губерний. Такие костюмы сохранились в селах Грайворонского района (Пороз, Доброе, Почаево), в селе Фоцеватово Волоконовского района. Этнографы и краеведы выделяли места поселений «саян» в ряде сел Оскольского региона, население которого занималось кожевенно-сапожным, шубным, гончарным, столярным, бондарным промыслами. Впоследствии в быту кустарей сильнее проявилось влияние города, что сказалось на формировании сарафанного и юбочного костюмных комплексов в стилистике которых появились элементы белорусско-полесских и литовских национальных костюмов, в частности, карман-лакомник.

В исследованиях Л.Н. Чижиковой упоминается факт проживания во второй половине XVII в. в бассейне реки Корень (левобережного притока Северского Донца), в селах Ломово, Заячье, Мазикино, Свиридово, Тюрино, Новая Слободка Корочанского района древней группы великорусов – «мамонов» [11; 12]. В традиционной культуре мамонов наблюдался синтез одновременно возникших компонентов. Так, в одежде преобладали южнорусские черты, идентичные однодворческой одежде: рубаха с косыми поликами, понева с прошвой, украшенная сзади яркой вышивкой в виде продольных полос, рогатая кичка, пушки (подвески головного убора около ушей) из гусяного пуха в сочетании с севернорусским косоклинным сарафаном, замененным в начале XX в. сарафаном, сшитым из прямых полотнищ.

Вплоть до XX века на территории районов, примыкавших к Воронежской и Курской губерниям, проживали «цуканы», названные так за характерное «цоканье» говора, замены звука «ч» на «ц» и наоборот. Традиционный женский наряд цуканов также нес на себе печать глубокой старины – красная понева, рогатая кичка, длинный передник («запон»). Симпатиями у соседей великорусов цуканы не пользовались. Они презрительно называли их «хамами», «выворотными»: «...они мрачны, грубы и живут грязнее своих соседей. Их речь медлительна (как и походка), тон ее низкий: кажется, будто говорящие стараются прижать подбородок и нарочно говорить басом» [10].

И по сей день отголоски некоторых локальных этнических групп великорусского населения ощутимы в говоре местных жителей края: например, в районах Белгородско-Курского региона – среди «евунов»; в Красненском и Губкинском районах – среди «щекунов»; в Старооскольском, Алексеевском, Новооскольском районах – среди «ягунов». И хотя диалектные особенности говора «щекунов» и «ягунов» не были столь отличны друг от друга, они сильно различались «в наружности и больше всего в покрое одежды... Разность между щекунами и ягунами так велика, что они никогда не вступают в родственные связи друг с другом, не имеют дружественных отношений между собой...» [2, 93].

Известно, что еще в середине XIX века этнические группы на территории края жили обособленно друг от друга и окружающего населения в силу своих специфических

этнических и социально-экономических факторов. Помимо различий в говоре, одежде, образе жизни, бытовом укладе они были выходцами из разных регионов России и принадлежали к разным слоям крестьянства. Так, упоминаемые нами «саяны», «горюны», «цуканы» и «мамоны» принадлежали к категории монастырских крестьян, то есть находились в крепостной зависимости у монастырей. Рядом жили помещичьи крестьяне и однодворцы со своим определенным социальным статусом, традициями, укладом жизни.

Строительство Белгородской оборонительной черты, которое длилось более двадцати лет – важного стратегического сооружения, протянувшегося на 800 км с востока на запад по территории современных областей (Сумской, Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской) способствовало этнической и культурной консолидации выходцев из разных районов России, составивших группу «служилых по прибору»: пушкари, стрельцы, казаки, драгуны, копейщики. (Белгородский и Старооскольский уезды) и «служилых по отчеству» (по происхождению): бояре, дворяне, дьяки; дети боярские, дворовые, городовые. Низшие служилые люди – мелкопоместные дети боярские и придворные чины составили особую сословную группу «однодворцев», традиционный женский костюм которых включал юбку в полосу (местное название «андарак») «от пояса до ног 77 дорог».

Безусловно, переселенцы «сведенцы» из других регионов России: Москвы, Курска, Мценска, Орла, Переяславля, Рязани, а также выходцы из Правобережной Украины, «черкасы», Заднепровские казаки внесли заметные изменения в колористический строй костюма края. А характерная бесполоиковая рубаха украинского типа с цельнокроеными рукавами стала излюбленной частью праздничного костюма в сочетании с юбкой-плахтой жителей ряда сел Грайворонского района.

В русских селах Белгородского района Болхолец, Пушкарное, в селе Белый Колодец Вейделевского района (бывшего Валуйского уезда) довольно распространенной формой являлась рубаха с прямыми поликами, пришитыми по основе ткани, но для украинского населения исследуемой территории это было весьма редким явлением.

Как и в старину в этих районах украинцев именуют «хохлами», русских – «кацапами», а иногда и «лаптерями». В районах дисперсного расселения русских и украинцев по-прежнему бытует понятие «перевертень», «перевертыш». «Мы не русские и не украинцы, мы перевертни» – утверждают старожилы таких сел. Как показывает исследование украинское население приграничных районов меньше занималось ткачеством. Ввиду развитости товарно-денежных отношений крестьяне имели возможность покупать фабричные ткани. Домашние холсты шли лишь на рушники и скатерти. Самые бедные крестьяне носили одежду из домотканой поскони даже в начале XX века, в основном – мужские и женские рубахи, юбки и штаны в качестве рабочей одежды. Однако, крой рубах из покупного материала, сохранял свои традиционные черты, а вот декоративная отделка приобретала новое решение, в вышивке появлялись растительный орнамент и красный цвет, менялась техника вышивки с «набора» на «крест».

К концу XVI- началу XVII веков, в основном, закончились массовые переселения народов. В своих общих чертах сложилась и этническая карта Белгородского края. Переписи населения фиксируют появление новых этнических групп – служилых крещеных калмыков, под влиянием которых в народном костюме края появляются разнообразные бисерные нагрудные украшения длиной ниже талии, меняется колористический строй используемого бисера.

Под воздействием урбанизации, общей подвижности населения, роста числа национально-смешанных семей прежние локальные особенности народной культуры и быта постепенно сгладились. Материальная культура стала более стандартной. Однако многие самобытные черты традиционной народной одежды края сохраняются в ярко выраженной форме и в настоящее время. На это обратил внимание еще А.И. Соболевский.

В работе «Русский народ как этнографическое целое» исследователь указывал на то, что точных границ между тремя славянскими народами, как правило, не наблюдается: есть районы (пояса) переходные, где сочетаются признаки и того, и другого народов. И тут же Соболевский вносит в свое заключение существенную поправку: «Точная граница может быть проведена только между великорусами и малорусами в тех местах, где и те, и другие – поздние пришельцы, где они столкнулись не раньше XVII столетия. Здесь у этнографа обычно не бывает никаких затруднений: одну деревню по ее языку и быту он может смело и решительно назвать великорусскою, а ее соседку, также на основании ее языка и быта, он называет малорусскою» [8, 12].

Подтверждают это и материалы музыкально-этнографических экспедиций в селах Белгородчины, свидетельствующие, что традиционная народная культура, в том числе, и народная одежда сохраняет свои индивидуальные особенности. Прямое украинское воздействие на нее ощущается только в более поздние исторические периоды. И, напротив, типичные признаки южнорусской традиции удалось зафиксировать участникам экспедиции Московской консерватории на территории Украины. Это еще одно из предположений о том, что только потомки славян-степняков могли принести с собой в южнорусские пограничные города традиции, корни которых уходят ко временам единства юго-восточных славян в эпоху образования Киевского государства. Существенным подтверждением этого предположения является народная одежда края, в композиции, загадочном орнаменте, широкой цветовой гамме которой отложилось родство человека с богатейшей природой края, опытом предков-землепашцев. Достаточно сказать, что основным типом женской одежды в крае была понева, упоминание о которой встречается в древнерусских рукописях. Одно из ранних изображений понева находим и на браслете из рязанского клада XII века. Понева восходит к одежде исконно славянского земледельческого населения, которое занимало правобережье Дона и его притоки. Она была распространена по всей южнорусской территории. Аналогична точка зрения В.М. Щурова: «Род женской одежды типа понева встречается у всех трех восточнославянских народов (запaska у украинцев, плахта у белорусов)» [13, 45]. Таким образом, все эти признаки в совокупности доказывают верность предположения о преобладающем влиянии потомков аборигенов – северян на развитие традиционной народной одежды края.

Таким образом, с XVII по XX век на территории края произошли сложные этнические процессы, отразившиеся в языке, одежде, жилище, фольклоре и даже в ремеслах. В costume этого времени отмечена необычная форма рубахи с рукавами, собранными у поликов под названием «городки», широко распространенная на Украине и до этого неизвестная в Центральной России.

Военно-стратегическое назначение Белгорода с XVI-XVIII веков постепенно изменялось, хотя милитаризованный уклад экономики, основное занятие «служилых людей» во многом определили особенности развития ремесел и промыслов, а соответственно и торговли в крае. Интенсивное развитие традиционных занятий населения особенно активизировалось в период существования Белгородской губернии (1727-1779 гг.), в состав которой вошли территории современных Белгородской, Курской, Орловской, частично Брянской областей Российской Федерации, а также Харьковской и Полтавской областей Украины. Этот факт нашел отражение и в трансформации традиционного костюма. Так, переселенцами из Брянска в народный костюм был привнесен отложной воротник. При традиционном крое он придает рубахам сходство с аналогичными вещами западных славян: белорусов, поляков, литовцев. Рубаха имела ещё одну особенность, нехарактерную для культуры края: косые полики с декоративным оформлением вышивкой. Кички с бисерным «позатыльником», широкие бисерные «гайтаны» нагрудного и наспинного исполнения были также заимствованы из брянского народного костюма, стилизованные впоследствии с учетом региональных особенностей и закрепившиеся в традиционном costume края.

Проходящие в тот период в Белгороде один раз в году ежегодные ярмарки, количество которых затем возросло до трех, способствовали более широкому развитию не только торговли, но и промышленности, ремесел, производству суконной фабрики на реке Топлинка. На ярмарках приобретались валеные головные уборы, лапти, валенки, самые сложные компоненты костюма, изготовление которых требовало особого мастерства, декоративные ткани, кружева, изготовленные на коклюшках рязанскими ремесленниками (названия обозначены по месту их изготовления), михайловские мерные кружева, широко используемые для декора оплечья женских рубаш.

Аграрное перенаселение, усиление феодально-крепостнической эксплуатации вынуждало сельское население искать источники доходов, не связанные с земледелием. Вот почему с конца XVIII века, особенно во второй половине XIX века, на территории края получили широкое распространение крестьянские ремесла и промыслы. Подтверждение данному факту находим в исторических источниках. Так, на вопрос анкеты (1761 г.) Академии наук по инициативе М.В. Ломоносова, «В каких ремеслах народ больше упражняется и которое в лучшем состоянии находится?» – последовал ответ: «В Белгороде имеются ремесленные люди серебрянники, чеботари, кузнецы, плотники, оконченники (стекольщики), портные, крашенники, токари, кирпичники, делающие медные и оловянные мелкие вещи, харчевники, калачники, солодовники, свечники и овчинники » (4). Более того, достигшие своего пика в конце XIX – начале XX веков, многие ремесла развиваются и в настоящее время, являя нам ценностные образцы многовековой эволюции народного творчества.

Резюмируя вышеизложенное, есть основания утверждать, что народный костюм края, сформированный на протяжении веков под непосредственным воздействием социально-экономических, культурно-исторических, природно-географических факторов, является уникальным памятником материальной и духовной культуры нации, человечества, определенной эпохи. В его создании принимали участие все без исключения социальные слои общества, каждое из которых имело свою определенную точку включения в эту деятельность. Ввиду этого народный костюм Белгородчины является выразителем и носителем личных, классовых, национальных и общечеловеческих значений, социокультурного опыта предшествующих поколений.

Список литературы

1. Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины: Учебное пособие. – Белгород, 2000. – С. 20, 27.
2. Жиров М.С. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры: Учебное пособие. – Белгород, 2003. – С. 93.
3. Карагодин М.И. Белгородский край в древности. – Воронеж, 1982.
4. Ломоносов М.В. Собрание сочинений. -Т.6.-М.;Л.,1952.-С.37-43.
5. Мавродин В.В. Очерки истории СССР: Древнерусское государство. – М., 1956.
6. Плетнева С.А. Половцы. – М., 1990. – С. 93, 190.
7. Рыбаков Б.А. Поляне и северяне. – М., 1944. – Т. 6-7.
8. Рыбаков Б.А. Макрокосм в микрокосме народного искусства // ДИ СССР, 1975. – № 3. – С. 31-33.
9. Соболевский А.И. Русский народ как этнографическое целое. – Харьков, 1907.
10. Стасов В.В. Русский орнамент: Шитье, ткани, кружева. – Вып. 1. – СПб., 1872. – С. 101.
11. Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. – СПб., 1904. – Т. XXV.
12. Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры. – М., 1988. – 256 с.
13. Чижикова Л.Н. Традиционная женская одежда русских в Белгородской области / Институт этнографии // Ролевые исследования 1977 года. – М., 1979. – С. 9.
14. Щуров В.М. Южнорусская песенная традиция. – М.: Советский композитор, 1987. – С. 45.

CULTUROGENESIS OF FOLK DRESS OF BELGOROD REGION: SOCIOETNICAL ASPECT

M.S. Zhirov¹⁾, O.JA. Zhirova²⁾

¹⁾Belgorod State University, Preobrajenskaja st., 78, Belgorod, 308026, Russia
e-mail: Zhirov@bsu.edu.ru;

²⁾Belgorod State Institute of Culture and Arts, Koroleva st., 7, Belgorod, 308034, Russia
e-mail: Zhirov@bsu.edu.ru

In clause it is presented ethnic and cultural aspect of formation of national clothes of edge in social-historical evolution, the role in this process of Slavic tribes, ethnic and class groups, the social layers acting object and the subject of this complete cultural phenomenon is revealed, continuing to live today in the form of ethnologic samples and their transformed variants in modern clothes.

Keywords: ethnic groups, people, traditional clothes, cultural traditions, a life, historical-geographical space, spiritual and material culture, art crafts and crafts.